

КЛИСФЕН И ПИСИСТРАТИДЫ

Проф. С. Я. Лурье

При раскопках на афинской агоре в 1936 г. был найден обломок стелы из прекрасного пентеликонского мрамора с чрезвычайно тщательно вырезанными буквами. Надпись эта опубликована в журнале американской

археологической школы в Афинах «Hesperia» (1939, VIII, стр. 59—65) с приложением воспроизводимого здесь фототипического снимка с надписи. Высокое качество материала и тщательное начертание букв не оставляют сомнения в том, что перед нами не случайное творчество школьника или любителя, а официальный документ. По форме букв надпись должна быть отнесена к последней четверти V в. Надпись написана стойхедон, т. е. таким образом, что буквы расположены одна под другой. Поэтому число обломанных букв в каждом ряду точно известно, и почти все слова надписи дополняются с полной несомненностью. Надпись из-

дана Д. Мериттом, снабдившим ее интересным комментарием. С совершенно несомненными дополнениями Меритта надпись эта читается так:

['Ον]έτο[ρ ---]
 [Η]πιπί[ας]
 [Κ]λεισθέ[νς]
 [Μ]ιλτιάδ[ας]
 5 [Κ α]λλι[άδ ας]
 [.]στρατός

Как можно видеть, в этой надписи следуют одно за другим имена трех знаменитых исторических деятелей: Гиппия, Клисфена и Мильтиада. В последней дошедшей до нас строке надписи можно с большой вероятностью прочесть имя Писистрата ([Πισί]στρατός). В V в., когда эта надпись была начертана, уже никто не давал своему сыну имени Гиппия, так как самая память тиранов была предана проклятию; ни в греческой литературе, ни в надписях не нашлось до сих пор ни одного указания на афинского гражданина с таким именем. Вдобавок, предположение, что мы здесь имеем список каких-то должностных лиц V в., было бы совершенно неправдоподобным: было бы странным совпадением, что все три следующие друг за другом должностные лица носят столь громкие имена исторических деятелей конца VI в., как Гиппий, Клисфен и Мильтиад; не говоря уже о Гиппии, даже и имена Клисфен и Мильтиад в V в. крайне редки: нам известны только два афинянина классической эпохи с именем Клисфен и ни одного — с именем Мильтиад. Таким образом несомненно, что хотя список написан во второй половине V в., но перечисленные в нем люди жили в VI в. Исключена возможность, что список составлен ученым историком и содержит список знаменитых людей древности: между Мильтиадом и тем лицом, имя которого мы дополняем, как Писистрат, вставлен Каллиад, никому не известный впоследствии, но несомненно принадлежавший к знатному роду: его имя встречается на краснофигурной вазе VI в. с посвящением Καλλιάδης καλός, а такие посвящения делались в честь аристократических юношей. Далее, в V в. целый ряд Каллиадов (очевидно, потомков названного здесь) занимали высшие должности в государстве: архонта в 480 г., стратега в 432 г. и 406 г. и др. Точно так же перед именем Гиппия читаются на 3—5-м месте буквы ΕΤΟ, которые необходимо дополнить в имя «Онетор» или «Онеторид». Это тоже очень знаменитое аристократическое имя, но общественный деятель VI в. с таким именем был в V в. неизвестен. Такое чередование очень известных и неизвестных в V в. лиц аристократического происхождения показывает, что перед нами погодный официальный список должностных лиц. Вряд ли государственные власти конца V в. стали бы восстанавливать или составлять списки каких-нибудь второстепенных должностных лиц VI в., например казначеев, тесмотетов и т. п. С другой стороны, ввиду отсутствия в Афинах официальной эры, по которой велось бы летоисчисление, годы назывались по архонтам; поэтому для того, чтобы определить, сколько времени прошло от того или иного события, необходимо было иметь список архонтов. Детей даже заставляли учить такой список наизусть: из Платона мы узнаем, что афинянин должен был уметь перечислить наизусть всех архонтов, начиная с Солона (Hippias Maior, 285E). Начертание государством такого списка в конце V в. было бы вполне естественным и целесообразным, тем более, что, как указал мне акад. С. А. Жебелев, после 411 г. в Афинах, под влиянием реакционных течений, вошло в моду восстановление старинных государственных памятников и законов, как, например,

законов Драконта. Таким образом, мне кажется, трудно сомневаться в том, что перед нами список архонтов VI в.—в этом Меритт несомненно прав. Но нам известно, что Мильтиад был архонтом в 524/3 г. (Diopys. Hal., Ant. Rom., VII, 3). Тогда окажется, что Гиппий был архонтом в 526/5 г., Клисфен—в 525/4 г., а Писистрат (если мы правильно дополняем последнюю строку) в 522/1 г. То, что Гиппий занимал должность архонта непосредственно после смерти своего отца Писистрата, вполне понятно и естественно. С другой стороны, нам известно из надписи IG 1² 761, что Писистрат, сын Гиппия, был архонтом в Афинах; на основании эпиграфических критериев Гиллер фон Гертринген относил эту надпись к 523—510 гг., так что и с этой стороны догадка, по которой новая находка представляет собою список архонтов, получает косвенное подтверждение. Больше всего затруднений встречает, однако, имя Алкмеонида Клисфена в третьей строке надписи. Геродот (VI, 123) говорит совершенно определенно: «Алкмеониды были тираноненавистниками... Все время (господства тиранов) Алкмеониды провели на чужбине, будучи изгнаны ими» (ἔφωβον τε τὸν πάντα χρόνον τοὺς τυράννους), только низвержение тиранов дало возможность Алкмеонидам и их вождю Клисфену в 510 г. вернуться в Аттику. Предположить же, что упомянутый в надписи архонт Клисфен не тождественен с Алкмеонидом Клисфеном, вряд ли возможно, так как имя Клисфен не афинское; Алкмеонид Клисфен получил его в честь своего деда, сикионского тирана.

Если же упомянутый в надписи Клисфен—знаменитый деятель VI в., то придется допустить, что свидетельство VI книги Геродота неточно и что Клисфен или уже его отец Мегакл были возвращены из изгнания в конце правления Писистрата, а затем снова изгнаны Писистратидами.

Мне кажется, что уже до открытия новой надписи дошедшие до нас литературные свидетельства давали право сделать такое заключение. В схолиях к ст. 45 «Облаков» Аристофана мы читаем:

«Жена (Ксантиппа) чванилась своим дядей Мегаклом, трижды победившим на Олимпийских состязаниях и за свою беговую конюшню получившим разрешение вернуться из изгнания».

Другой, более поздний схолиаст прибавляет к этому: «Дело в том, что Мегакла изгнал Писистрат, но и призвал его назад, когда Мегакл переуступил ему право быть провозглашенным победителем».

Так как из приведенного выше места Геродота (VI, 123) было известно, что Алкмеониды, будучи однажды изгнаны Писистратом, вернулись только после изгнания Гиппия, то исследователи до сих пор предполагали, что схолиаст здесь просто по неграмотности спутал имена: вместо Кимона, сына Стесагора, он по ошибке назвал Мегакла. Действительно, Геродот (VI, 103) рассказывает очень похожую историю об этом Кимоне: «Кимон был изгнан Писистратом и в изгнании дважды одержал победу на Олимпийских состязаниях. После второй победы он, по соглашению с Писистратом, предложил глашатаю вместо себя объявить победителем Писистрата; за это, согласно обещанию, Писистрат разрешил ему вернуться на родину».

Если бы сообщение о Кимоне, уступившем свою победу правителю родного государства, было единичным, то можно было бы, пожалуй, в сообщении аристофановских схолий видеть простую путаницу имен. Но мы имеем еще третий такой же случай. На этот раз речь идет об изгнанном из Спарты царе Демарате. О нем Геродот (VI, 70) сообщает следующее: «Он прославился среди лакедемонян подвигами и изречениями—особенно же тем, что, победив на Олимпийских состязаниях, передал свою победу им».

Если и изгнанный из Спарты царь Демарат, и изгнанные из Афин вожди руководящих родов—Филаидов и Алкмеонидов—Кимон Старший и Ме-

гакл—находят нужным отказываться от своих олимпийских побед в пользу государства, то, очевидно, сходство между обоими случаями не внешнее, а органическое. В древнейшие времена победа на Олимпийских состязаниях давала право на престол¹; по преданию, сам Зевс получил свою власть тем путем, что боролся здесь со своим отцом Кроносом и победил его². И в более поздние времена при прибытии победившего на Олимпийских состязаниях на родину проламывали и сносили часть городской стены, и он проходил в город через образовавшуюся брешь³. Здесь мы имеем несомненно символическое выражение подчинения города власти победителя.

Далее, такого победителя встречали в родном городе с царскими почестями⁴, и он получал право (например в Афинах) обедать в пританее вместе с жрецами главнейших божеств⁵. По закону Солона, такой победитель получал награду в 500 драхм, огромную по тому времени (Diog. L., I, 55).

Естественно поэтому, что победа на Олимпийских состязаниях изгнанника, принадлежавшего к одному из знатнейших родов Афин, давала ему в народном представлении право на руководство Афинами и поэтому отказывался от победы в пользу тирана, то этим он подчеркивал отсутствие всяких претензий на власть в Афинах и усиливал авторитет тирана и его право на власть. В этом отношении характерно, что Кимону было разрешено вернуться в Афины, когда он, одержав победу, провозгласил победителем Писистрата; когда же после этого он победил в третий раз и уже не провозгласил победителем тирана, он был тайно убит по приказанию Писистратидов⁶.

Казалось бы, мы имеем еще одно подтверждение нашего взгляда. Седьмая Пифийская ода Пиндара написана по поводу победы на Пифийских состязаниях в 486 г. афинского изгнанника Мегакла Младшего. В схолии к этой оде говорится: «(Эта ода посвящена) Мегаклу афинянину, победившему четверкой лошадей в XXV Пифиаду. Это не тот Мегакл, который победил на Олимпийских состязаниях, а другой. Ибо в списке победителей на Олимпийских играх тот записан под XLVII Олимпиадой, а этот под XXV⁷. Значит, тот должен быть другим Мегаклом, одноименным

¹ A. B. Cook, *Class. Rev.* XVII, 268 ff.; Harrison, *Themis*, 220. См. напр. Paus., V, 1, 4: «Ὁλυμπαί... ἐνίκησε καὶ εἰσε τὴν βασιλείαν Ἑπειός».

² Paus., V, 7.

³ Plut., *Quaest. Conv.* II, 5, 2, 4, p. 639E.

⁴ См. Dio d., XIII, 82, 7; Plut., *Quaest. Conv.*, II, 5, 2, 4, p. 639E; Horat., *Od.* I, 1, 3, (terrarum dominos evehit ad deos), IV, 2, 17, (caelestes).

⁵ См. IG. I² 77; Plut., *Apol.*, c. 26, p. 36; Rep., V 465 cde; Athen., VI, 8, 237 сл. В том же отношении весьма поучительно следующее: афинянин Каллий, сын Дидимия, известен нам только как атлет: он одержал победу в Олимпии в 472 г. и целый ряд других побед (IG I² 606; *Inschr. von Olympia*, 146; Paus., V, 9, 3; VI, 6, 1). Этот Каллий был изгнан остракизмом: Andoc. IV, 32. Три черепка с его именем найдены при недавних раскопках в Афинах: T. L. Shear, *AJA*, 39, 1935, стр. 178—179; «*Hesperia*», VII, 1638 стр. 361. Shear не мог понять, для чего надо было изгонять остракизмом атлета, не игравшего роли в политической жизни: он высказал даже догадку, что Каллий был изгнан голосами его конкурентов-атлетов. В действительности нет нужды в таких нелепых предположениях: победивший на Олимпийских состязаниях считался eo ipso подходящим для того, чтобы стать во главе государства, и несомненно Каллий был поэтому и выдвинут одной из борющихся партий; естественной реакцией на это явился остракизм.

⁶ Кстати, между сообщениями о Кимоне и Мегакле есть существенная разница: Кимон получает разрешение вернуться в Афины после второй победы, а после третьей падает от рук Писистратидов; Мегакл получает разрешение вернуться в Афины после трех побед. Уже эта разница заставляет с осторожностью относиться к теории заимствования и извращения схолиастом к «Облакам» свидетельства Геродота.

⁷ Т. е. а этот одержал победу в XXV Пифиаду—следовательно, много позже, чем XLVII Олимпиада.

с этим». Точно так же в другой схолии к той же оде (к ст. 11) мы читаем: «Не он победил на Олимпийских состязаниях, а другие, одноименные с ним»¹.

Таким образом, и отсюда мы видим, что схолиаст к «Облакам» Аристофана прав: Мегакл старший, действительно, победил на Олимпийских состязаниях. Правда, здесь указана XLVII Олимпиада, т. е. 592 г., а Мегакл старший жил во всяком случае до сороковых годов VI в., а вероятно, даже до тридцатых. Если в 592 г. Мегаклу было 25—30 лет, то придется допустить, что он умер 85—90 лет. Ничего невероятного я в этом не вижу, и замечание Виламовица², что в 592 г. речь может идти не о Мегакле, а только об отце его Алкмеоне, мне непонятно. Вдобавок в схолии к Пиндару цифры вообще перепутаны, и доверять дате «47» поэтому трудно³.

Однако есть гораздо более веское соображение, говорящее против моей реконструкции, ибо оно опирается не на замечания поздних схолиастов, а на слова самого Пиндара. В VII Пифийской оде мы читаем: «Меня воодушевляют пять олимпийских побед, одна, особенно выдающаяся,—олимпийская у Зевса и две—в Кирре⁴, о, Мегакл, ваши и предков»⁵. Отсюда можно с полным правом сделать вывод, что за все существование рода Алкмеонидов они одержали только одну победу в Олимпии, а так как из Геродота (V, 125) и Исократы (XVI, 25) нам бесспорно известно, что Алкмеон одержал победу в Олимпии, то, очевидно, никакой Мегакл такой победы больше не одерживал; следовательно, в схолии к Аристофану Мегакл смешан с Кимоном, а в схолии к Пиндару—с Алкмеоном.

Однако при таком допущении получается совершенно невероятный результат: выходит, что славнейший в Афинах род Алкмеонидов, известный до конца V в. своей замечательной беговой конюшней, за более чем столетний промежуток (с 591 по 487 г.) не одержал ни одной победы в Олимпии и только одну на Пифийских состязаниях, несмотря на теснейшие связи Алкмеонидов с Дельфийским храмом. А в то же время один лишь Кимон одержал три победы в Олимпии. Невероятность такого вывода заставляет нас обратиться к греческому тексту Пиндара и посмотреть, правильно ли мы его толкуем и переводим. Слово ΥΜΑΙ сразу же затрудняет исследователя. В этом слове приходится видеть множественное число женского рода от ὑμός, «ваш». Но Пиндар в смысле «ваш» постоянно употребляет не ὑμός, а ὑμέτερος; по справедливому замечанию Гартунга⁶ к этому месту, «форма ὑμαί встречается только здесь и Pyth., VIII, 66, но во втором из этих мест она не имеет никакого смысла». К Pyth., VIII, 66, он же замечает: «Форма ὑμαί не встречается больше нигде, а в обоих этих местах она очень подозрительна». Но дело не только в том, что форма ΥΜΑΙ больше нигде у Пиндара не засвидетельствована. Здесь она не имеет никакого смысла, так как по контексту в обоих местах требуется «твой», а не «ваш». Схолиасту пришлось видеть здесь pluralis maiestatis и понимать «ваш» в смысле «твой». Но такое словоупотребление у Пиндара больше нигде не встречается⁷, и во втором из приводимых мест оно и вовсе аб-

¹ Schol. Pind. Pyth., 7.

² Aristoteles und Athen, II, B., 1893, стр. 324.

³ Christ предлагал вместо «47» читать «57», т. е. 552 год. В одном месте этого текста рукопись В дает πη', рукописи DEGV—κς', в другом—рукопись D—κς', рукопись В—πη', рукописи EGV—πς'.

⁴ Т. е. на Пифийских состязаниях.

⁵ Pind., Pyth., VII, 13: ἄγοντι δέ με πάντες μὲν Ἰσθμοῖ νίκαι, μία δ' ἐκπρεπὴς Διὸς Ὀλυμπίας, δύο δ' ἀπὸ Κίρρας, ὧ Μεγάκλεις, ΥΜΑΙ τε καὶ προγόνων.

⁶ Pindars Werke von J. A. Hartung, II. Leipzig, 1855, стр. 278.

⁷ Употребление ὑμός в смысле «мой» не является параллелью, ибо ὑμός может быть дорийским вариантом не к ὑμέτερος, а к ἑμός (по крайней мере так оно в V в. воспринималось).

сурдно, так как сказуемое поставлено здесь в единственном числе (οὐ ἐορταῖς ὑμαῖς ἐπάγαγες). Поэтому комментаторы прибегают к непозволительной натяжке, заявляя, что в VII оде ὑμαῖ означает подвиги Мегакла и сверстников из его же рода, а в VIII—не только обряды в честь бога Аполлона, к которому поэт обращается, но и в честь его сестры Артемиды, о которой в оде не сказано ни слова. Самая необходимость таких неправдоподобных допущений показывает, по какому пути надо идти при толковании этого места: обычно при толковании греческих поэтов такой нелепый контекст получается тогда, когда употреблено какое-либо мало понятное архаическое или диалектическое слово, которое переводчики и схоластики пытаются как-либо осмыслить.

Но нам известно, что у Пиндара встречается целый ряд эолизмов (лесбизмов), которые были менее всего понятны его комментаторам¹.

Как раз в лесбосском диалекте встречается и слово ΥΜΑΙ, затруднившее нас у Пиндара. Оно засвидетельствовано в лесбосских надписях IG, XII, 2, 29₁₀ и 32₁₁² (разумеется, в эллинистическом виде ὕμα с исчезнувшим ι), а в несколько койнизованном виде ὕμα в IG, XII, 2, 526b₃₁ оно представляет собой эолийское соответствие дорийскому ὕμαῖ (Фера, IG, XII, 3, 320₅) или ὕμα (Гесикий) и аттическому ὕμῃ (Anth. Pal., p. 31)³.

По смыслу ὕμῃ ничем не отличается от ὕμαῖ или ὕμα, «вместе с тем». Понимая ΥΜΑΙ как ὕμα⁴, мы получим прекрасный смысл⁵: «Меня воодушевляют пять Истмийских побед, одна, особенно выдающаяся, Олимпийская и две в Кирре, о Мегакл, а также и (победы твоих) предков». Если это так, то здесь речь идет только о победах самого Мегакла Младшего, и из этого места никак нельзя заключить, что Мегакл Старший не одержал победы в Олимпии, бывшей причиной возвращения его из изгнания⁶.

Таким образом, мы вправе утверждать, что провозглашение победителем на Олимпийских состязаниях не действительного победителя, а его родного государства или правителя этого государства имело место неоднократно и вызывалось во всех случаях одними и теми же причинами. Демарат был свергнут со спартанского престола и вправе был претендовать на восстановление во власти; Алкмеониды и Филаиды были руководя-

¹ См. E u s t h., Vita Pindari, αἰολίζει δὲ τὰ πολλὰ, εἰ καὶ μὴ ἀκριβῆς διείσιν Αἰολίδα. A. T h u m b., Handbuch der griech. Dialekte. Heid., 1909, стр. 214: «Die Sprache des Pindartextes enthält... Aeolismen oder genauer Lesbismen...» W. C h r i s t—W. S c h m i d t, Geschichte der griechischen Literatur, I^o, 1912, стр. 244.: «Bei Diskrepanzen beider Dialekte (des dorisches und des äolischen) in metrisch gleichwertigen Formen und in Fällen, wo sich die äolische Form besser in den Vers fügte, gab (Pindar) dem äolischen den Vorzug...» (μοῖσα, ψύχοισα, καλέσαι)...

² На эти места обратил мое внимание мой друг, проф. П. В. Ернштедт.

³ В лесбосском диалекте мы встречаем в том же смысле и форму ὕμαῖ, соответствующую аттическому ὕμαῖ. Она засвидетельствована у Сапфо (Berl. Klassikertexte, 213), в SIG, 4727, ст. 3, и у Бальбиллы (№ 1773; K a i b e l, Epigrammata graeca e lapidibus conlecta, 988—992). Подобным же образом и у Феокрита (29,20) мы вместо ὕμαῖς встречаем ὕμοις.

⁴ Конструкция ὕμα τε καὶ, как указывает Passow, одна из наиболее обычных.

⁵ Кто не хочет допустить форму ὕμαῖ у Пиндара на том основании, что, хотя у Пиндара и есть ряд эолизмов, но в частности чередование ο и ο здесь случайно не засвидетельствовано, тот будет принужден прибегнуть к небольшой конъектуре—к предположению, что начальное ο—искажение буквы α или ο. Форма ὕμαῖ (=атт. ὕμα) многократно засвидетельствована у Пиндара (Pyth., III, 36; ὕμα δ' ἐφ' ὅθ' ἄρ'—ὕμαῖ), Nem., VII, 115: ἐλέφαντ' ὕμα καὶ λείριον ἄνθρον; Ol., III, 21; Nem., V, 11). О дорийском ὕμαῖ см. выше, в тексте. Конъектура Гартунга (ὕμῃν) приводит к тому же переводу, что и наше толкование.

⁶ Заметим, что и античный схолист не относит перечисленные в VII оде победы ко всему роду Алкмеонидов, а полагает, что все они одержаны Мегаклом Младшим, за исключением лишь Олимпийской, одержанной Мегаклом Старшим и л о ж н о п р и п и с а н н о й Пиндаром Мегаклу Младшему (τὴν δὲ ἐκείνου νίκην τούτῳ προσάπτει Πίνδαρος, συνήθως αὐτῷ).

щими родами, претендовавшими на власть в Афинах. Они могли доказать свою лояльность к Писистрату (как и Демарат—к спартанскому государству), только уступив ему победу на Олимпийских состязаниях. Повидимому, такая уступка была в то время необходимым условием возвращения изгнанников в Афины.

Правильность такого толкования надписи подтверждается двумя свидетельствами: свидетельством Геродота (V, 62): «Алкмеониды по происхождению афиняне, бежавшие от Писистратидов» (φυγόντας Πισιστρατίδης) и схолии к Пиндару (Schol. Pind., Pyth., VII, 7, 9 со ссылкой на Филохора): «Алкмеониды, изгнанные Писистратидами» (ὑπὸ τῶν Πισιστρατίδων). До сих пор эти свидетельства перетолковывали в том смысле, что под Писистратидами разумеются не только дети Писистрата, но и сам Писистрат; однако такое понимание является натяжкой, так как термин «Писистратида» больше нигде в этом смысле не употребляется, и, например, в разобранным выше параллельном месте о Кимоне читаем: Κίμωνα... φυγεῖν... Πισιστρατον, а не Πισιστρατίδα.

Таким образом, литературные свидетельства вполне подтверждают данные, повидимому, заключающиеся в новой надписи,—о том, что Алкмеониды (вероятно, в конце правления Писистрата) были возвращены в Афины, а затем снова изгнаны при Писистратидах.

